

• **НОВЫЙ БЕГЕМОТ**

Визит Гиляровского

Алексей МИТРОФАНОВ

Сто лет назад одним из популярных персонажей жизни города был Владимир Алексеевич Гиляровский, известный в наши дни по сборнику «Москва и москвичи». Из сборника можно узнать о том, как плохо жилось бедным людям в нашем городе, зато богатым — хорошо. Мысль не сказать, чтоб очень свежая, однако же благодаря подробным описаниям разных сторон города книгу читать довольно интересно.

Несколько меньше наслаждались люди от общения с самим автором этих зарисовок. Особенно в том случае, когда Владимир Алексеевич выступал в качестве визитера. А столетие назад делать визиты было много проще — совсем не обязательно сидеть и дожидаться приглашения, можно прийти самостоятельно, притом в любое время. Правда, хозяин имел власть и не принять, однако же это считалось оскорблением. Так что отделаться от Гиляровского в те годы было трудновато.

Еще с юношеских лет Владимир Алексеевич не отличался деликатностью по отношению к тем, кто предоставлял ему и стол, и кров. Вот лишь один из многочисленных примеров. Как-то раз, чтобы его пустили переночевать, Владимир Алексеевич представился часовщиком. Дабы придать своему блефу достоверность, он на части разобрал хозяйские остановившиеся ходики, после чего посетовал — дескать, темно, утром сподручнее. Переночевал и с наступлением рассвета убежал, оставив ни в чем не повинных хозяев с окончательно испорченным механизмом.

С возрастом Гиляровский огрубел и перешел на другие предметы — в первую очередь на чайные ложки, а под настроение — на кочерги. Он и то и другое завязывал в узел — это сделалось своеобразной визитной карточкой маэстро Гиляровского. Однажды, например, когда Владимир Алексеевич пришел к художнику Малютину и не застал хозяина дома, он схватил кочергу, стоявшую у печки, завязал ее узлом и положил на столик для визитных карточек.

Как правило, вещи, испорченные Гиляровским, никто не исправлял. Владимир Алексеевич считал, что их хранят в качестве сувениров. Но думается, дело в том, что мало кому из писателей или художников было под силу развязать обратно кочергу. Обращаться же к слесарю с таким странным заданием было как-то неловко.

Самое яркое из впечатлений от визита столь странного гостя оставил Михаил Павлович Чехов, брат Антона Павловича.

— Мама, — предупредил он заранее, — завтра придет ко мне некто Гиляровский. Хорошо бы его чем-нибудь угостить.

Мама приготовила пирог с капустой и купила водки.

А дальше — собственно визит: «Он сразу же стал с нами на «ты», предложил нам пощупать его железные мускулы на руках, свернул в трубочку копейку, свертел винтом чайную ложку, дал всем понюхать табаку, показал несколько изумительных фокусов на картах и, оставив по себе недурное впечатление, ушел».

Сам же Антон Павлович писал о том, как принимал страшного гостя на своей меликовской даче: «Был у меня Гиляровский. Что он выделял, боже мой! Заездил всех моих кляч, лазил на деревья, пугал собак и, показывая силу, ломал бревна. Говорил он не переставая».

Чехов не упомянул еще об одном излюбленном дачном занятии Владимира Алексеевича — катать хозяев и гостей в садовой тачке (по большей части против воли пассажиров). Кроме того, Владимир Алексеевич вырывал с корнем садовые деревья и писал стихи, притом прямо на стенах дома. К примеру, прямо на стене ялтинского особнячка того же Чехова он, не долго думая, изобразил экспромт:

*Край, друзья, у вас премилый,
Наслаждайся и гуляй:*

*Шарик, Тузик косорылый
И какой-то Бабакай.*

Впрочем, среди посвященный Чехову у Гиляровского встречались вирши и похлеще. Например, такие:

*Глаз Чехова,
мерцающий и зоркий,
Глядит в восторге
с высоты галерки.*

Странный все-таки был человек Владимир Алексеевич.

